

УДК 304.444

DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10302

ЦИФРОВАЯ ПАМЯТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В МЕДИА-ТЕХНОЛОГИЯХ БУДУЩЕГО

Л. Б. Зубанова

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск

В статье рассматриваются ключевые формы репрезентации прошлого в актуальном медийном пространстве. Осмыслиется концепт «цифровая память», фиксируются тенденции, характерные для современного дискурса Digital Memory Studies. Образы прошлого в цифровых технологиях будущего репрезентируют, по мысли автора, обновленный этап существования мемориальной культуры. Подробно анализируются особенности, характерные для цифрового измерения памяти:

- реинкарнация прошлого в цифровой среде;*
- технологии конструирования автобиографической сетевой памяти;*
- практики альтернативной онлайн-коммеморации;*
- креативные модели производства и активной проработки воспоминаний пользователей.*

Ключевые слова: цифровая память, медиатизация, мемориальная культура.

«Бум памяти»: актуализация интереса к прошлому

В 2011 году в журнале «Социологические исследования» была опубликована статья Н. В. Романовского «Новое в социологии – Бум памяти» [9], в которой автором был представлен обзор memory-проблематики в социально-гуманитарном знании. Проявления «бума памяти» как исследовательского поворота в осмыслении индивидуальной и коллективной истории, институционализации memory-дискурса, погружения в перипетии прошлого стран и народов – связывались с началом 2000 годов как переходом в новое тысячелетие. В статье анализировались предпосылки и последствия «мнемонических войн» и конфликтов за обладание «правильной памятью» о прошлом; осмыслились пересечения политики забвения, социальной ностальгии и «контр-воспоминаний» (живущих, вопреки официально принятому консенсусу в отношении пережитого травмирующего опыта).

Почти десятилетняя дистанция, отделяющая данный материал от обобщения, осуществленного Н. В. Романовским, вновь актуализирует поставленные вопросы о специфике репрезентации прошлого в контексте современности, объединяющих и раскалывающих тенденциях коллективных воспоминаний, попытках «управления памятью» и, в целом, – о самоидентификации индивидов в пространстве мемориальной культуры.

Можем ли мы сегодня фиксировать (хотя бы фрагментарные) тенденции, свидетельствующие о процессах смягчения травм прошлого, открывающих новые возможности и перспективы? Или «бум памяти», породил лишь массу вопросов без ответов, вылившихся и растворившихся в бесконечном memory-потоке?

Злободневность и острота наблюдаемых в публичном поле дискуссий о прошлом – недвусмысленно указывают на сохраняющуюся нерешенность проблем. В целом, многообразие и конкуренция научно-исследовательских парадигм, порождают, по мнению исследователей [26], ситуацию отсутствия общих интерпретаций памяти и ее природы, а также практик согласования терминов, характерных для современного дискурса мемориальной культуры.

А. Ассман предлагает рассматривать функционирование мемориальной культуры в нескольких актуальных проявлениях:

- как симптом интенсификации и плюрализации интереса к проблемам прошлого;
- как освоение прошлого определенной социальной группой;
- как этическое измерение процессов изучения памяти;
- как виртуализацию самого тегогу-нарратива, его перелокализацию в пространство виртуальной реальности, социальных сетей, дигитальных архивов [2. С. 72]. Прежде чем обратиться к последнему аспекту, послужившему предметом анализа данной статьи, схематично обозначим некоторые позиции актуализации внимания к прошлому и культурной памяти как символическому ресурсу регулирования настоящего.

Результаты социологических замеров, проводимых в различных регионах России [1; 7], свидетельствуют о выраженном интересе к историческим этапам и событиям, ставшим своеобразными архетипами культурной памяти. Тенденции «вовлечения в процессы масштабной рефлексии по поводу советского прошлого» [12. С. 12] находят свое подтверждение в исследованиях, ориентированных на сопоставление ценностной символики минувшего и настоящего периодов российской истории; отмечается, что позитивные оценки советского периода встречаются чаще, чем положительный опыт восприятия дня сегодняшнего [11. С. 97]. Вероятно, с точки зрения психологического восприятия времени, настоящее видится ещё не до конца сформированным этапом с достаточно размытыми смысловыми границами. В то время как советское прошлое, несмотря на его спорные и трагические страницы, позиционируется для отдельных социально-демографических групп в качестве платформы построения национальной идеи, активизации духа патриотизма и чувства национальной гордости: «...память о советском остается, несмотря на коммуникационные сложности, важным социокультурным полем поиска значимых поколенческих констант. Ее коллективная сила продолжает работать и производить новые интерпретации советского прошлого, которые становятся частью семейного наследия» [6. С. 154].

Важным фактором актуализации интереса к прошлому (в контексте темпорального измерения) оказывается и общая неопределенность перспектив развития, порождающая «бессилие перед будущим» [14]. В российских реалиях это бессилие дополняется опытом переживания так и не воплотившихся утопий: «Опыт нашей страны тесно связан с проблематикой будущего, в том числе, с утопиями, реально проводившимися в жизнь. В исторической ретроспективе Россия советского времени находилась в положении «самой утопической страны мира», осуществлявшей невиданный «социальный эксперимент»» [8. С. 18].

Актуализация дискурса памяти соединяется с кризисом идентичности как потребности поиска надежных оснований настоящего или, часто упоминаемых в политической риторике, – «скреп». Обретение таких скрепляющих механизмов идентификации, как правило, видится в культивировании героических образов прошлого.

Метаморфозы памяти в цифровом измерении

Тенденции выхода на обновленный этап существования «постпамяти» [18] или, обозначенная А. Ассман виртуализация тегогу-нарратива, позволяют сегодня вести речь уже о «*буме онлайн-памяти*» – альтернативных моделях осмысления образов прошлого в интернет-проекциях. Бурное развитие цифровых технологий и неослабевающая роль социальных сетей способствуют жанровому многообразию воплощений памяти в медиа-контенте, предстают востребованным полем современных международных исследований в области мемориальной культуры (Digital Memory Studies: Й. ван Дейк, А. Ридинг, Э. Хоскинс, Д. Гарденхансен и другие).

В научном дискурсе заметна актуализация обращения исследователей к концепту «цифровой памяти» как «новому живому архиву цифрового века» [20]. В целом, мы можем говорить о ключевых формах репрезентации прошлого в актуальном медийном пространстве, соотнося их с категорией *киберпамять*, которую польская исследовательница К. Штоп-Рутковска определяла как «содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), а также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа» [13. С. 132–133].

Характер репрезентации цифровой памяти специфичен, неслучайно, именно современность как некая дистанция от прошлого позиционируется в изначальном формате номинации: «новые медиа», «real-time журналистика», «медиа будущего» и т.п. Помимо субъективной установки «быть в тренде», это объясняется объективными условиями функционирования сетевой реальности: сконцентрированной на моменте «здесь и сейчас», слишком изменчивой и быстротечной, чтобы оставлять время на длительное и рефлексивное постижение и проживание минувшего. З. Бауман, сопоставляя офлайн и онлайн каноны сохранения памяти, отмечает: «...в мире онлайн, в мире, переданном (показанном? сконструированном? симулированном?) через электронные медиа, время предстает как разделенное на обрывки, разорванное на фрагменты без истории и будущего, как неупорядоченные эпизоды, последовательность фрагментов, которую можно произвольно менять без ущерба для смысла представления эпизодов, самодостаточных по определению, каждый из которых одинаково легко и мгновенно может как вырезаться, так и вызываться к (преходящей и мимолётной, убегающей) жизни» [Цит. по: 13. С. 133].

Образы прошлого в цифровых технологиях будущего репрезентируют обновленный этап существования мемориальной культуры в контексте развития цифрового измерения.

Прежде всего, следует говорить о *специфике реинкарнаций прошлого в цифровой среде*. Можно согласиться с Л. Мановичем, что память в интернет-пространстве существует в особом формате «баз данных» [5] или облачном хранении, при котором «спящий режим» потенциально настроен на «оживающее» действие. Реализация обратного посыла: так называемого закона о «праве на забвение», дающего возможность удаления персональных данных из общего доступа, в реальности приводит лишь к актуализации сведений в публичном информационном пространстве, доказывая действие «эффекта Стрейзанд».

Интернет-аудитория периодически реанимирует собственную память о прошлом в стихийном ностальгическом варианте сетевых флешмобов: «Три слова в прошлое» (моделирование ситуации обращения к себе, но 20 лет назад), «Меня не взяли» (воспоминания о первых неудачных попытках трудоустройства), «Я не боюсь сказать» (описание травмирующих событий прошлого), фото-потоках в стиле «Когда мы были молодые» и другое. Так, при исследовании медиатизации памяти поколений, исследователями описываются два вида цифровой памяти пользователей Facebook – реакционная ностальгия («Назад в прошлое!») и ироническая ностальгия («Если вы выросли в 80-90-х, то вы один из нас!») [23. Р. 170–171].

Использование новых технологий обнажает этические вопросы, связанные с так называемой «непреднамеренной алгоритмической жестокостью» [22] – функциями новых медиа, обеспечивающими, в буквальном смысле, реинкарнацию пользователя в виртуальной (пост-жизненной) реальности: возможности мемориализации профайлов умерших пользователей, работа приложений, позволяющих имитировать коммуникацию с покойным на основе использования накопленного массива данных (сюжет, некогда воплощенный в популярном сериале-антиутопии Ч. Брукера «Черное зеркало»: серия «Сейчас вернусь»).

Прошлое в интернет-пространстве, таким образом, является не вполне прошлым, поскольку вектор временного разделения на прошлое, настоящее и будущее в виртуальной среде предстает как условное разграничение в контексте идей цифрового бессмертия.

Особенностью обновленного этапа развития мемориальной культуры в цифровой среде можно назвать **технологичность конструирования автобиографической памяти**. Цифровое пространство активизирует потенциал использования технологий, обеспечивающих практики онлайн-слияния человека с историей собственного рода. В качестве примера укажем на исследование корреляции между развитием технологий генетического тестирования, генотипирования и секвенирования ДНК и возрастающим интересом интернет-пользователей к собственной родословной [25]. Авторы исследуют процессы коммерциализации персонализированного генетического тестирования, вызвавшего популярность онлайн-услуг по созданию родословных и семейных генетических историй, онлайн-поиска потерянных членов семей как особую технологию памяти, в пределах которой генетическая информация может мгновенно передаваться, интерпретироваться, обсуждаться, сравниваться и использоваться для создания персонифицированной истории прошлого, встроенного в глобально-мифическое пространство «вечной жизни».

Еще одной особенностью функционирования цифровой памяти можно обозначить развитие практик **альтернативной онлайн-коммеморации или контр-коммеморации** – обнародование и сохранение вытесненных, табуированных, травматичных воспоминаний о прошлом в сетевой среде. В этом смысле миссия цифровой памяти как альтернативной коммеморации видится именно в «борьбе за память», вопреки «культурной амнезии» [24] или утверждению «памяти как справедливости» [23. Р. 164].

Осуществленный нами обзорный анализ публикаций международного журнала «Memory Studies» за последние пять лет, указывает на очевидное доминирование внимания исследователей на негативных аспектах функционирования «насильственных воспоминаний» и «войн памяти». Господствующим нарративом (master narrative) в данном случае может рассматриваться Холокост – трагедия, озвученная «выжившими» как особым типом акторов [4. С. 110]. Причем, как зеркальное отражение Холокоста анализируется и травмирующий опыт последствий арабо-израильской войны, отраженный в палестинских медиа-образах памяти о Накба (арабское – «катастрофа») – исходе палестинцев в 1948 году [15].

Аналогичным образом конструируется «архипелаг воспоминаний» о государственном терроре в бывших режимах диктатуры, позволяющий превращать некогда «подпольные» воспоминания – в официально действующие паттерны памяти: «Риск, с которым мы сталкиваемся, заключается в том, что пока открыто ничего не сказано, ничего не будет понято и пережито во всей его сложности» [16. Р. 19].

В качестве примера можно упомянуть и исследования коллективных воспоминаний о Великом Голоде в Китае – воспоминаний, сохраненных вопреки доминирующему официальному контенту (размещенному на контролируемых государством интернет-ресурсах) олицетворяющему политику онлайн-забвения (так, например, само словосочетание «Великий Голод» используется лишь в стихийно функционирующих онлайн-мемориалах, в то время как в официальных энциклопедиях оно заменено на «годы экономических трудностей») [17].

Еще одним специфическим выражением обновленного этапа развития мемориальной культуры в цифровом пространстве становится **креативность пользователей в производстве и активной проработке воспоминаний**. Репрезентация памяти в цифровом пространстве значительно активизирует процессы производства мемориального контента в онлайн-взаимодействии пользователей. Речь в данном случае может идти о восходящей культуре участия аудитории [21], наполняющей пространство

памяти свободным от официальной политики памяти пользовательским контентом. Создающиеся интернет-платформы, таким образом, оказываются новыми *местами памяти*, на которых прошлое дискурсивно прорабатывается и осмысливается в слиянии личного и коллективного опыта восприятия событий сегодняшнего дня. Так, благодаря обилию пользовательских видео, размещенных в You Tube, конструируется новая коммуникативная память о миграционных процессах в современной Европе [19].

Таким образом, дискурсивное поле изучения памяти переживает «третью волну» интереса, начавшуюся в 90-х годах XX века и продолжающуюся до настоящего времени [10]. Такая ситуация свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости интереса к проблемам коллективной памяти, с другой – демонстрирует обновленный этап функционирования мемориальной культуры. Для современного этапа развития мемориальной культуры характерно вовлечение в ее орбиту новых акторов, объектов и предметных локусов, расширение тематических рамок мемориального дискурса, обеспечивающееся, прежде всего, за счет активных процессов медиатизации социокультурного поля [3] и «оцифровки» языка темпоральности.

Цифровая память существует как в формате медиа-архива (хранение социально востребованной информации, опыта, символов, событийных «следов» и героев прошлого в разнообразии мемориальных проектов и онлайн-мемориалов – документированная память), так и функционирующего потока живых воспоминаний – трансляции памяти о прошлом (акцент на процессах передачи индивидуального прочтения событий прошлого в коммуникации пользователей). В контексте медиа-потока персональные версии «памяти о прошлом» наделяются характеристиками актуальной универсальности и, тем самым, закрепляются в качестве «прибавочного культурного кода», оказывающего воздействие на формирование цифровой памяти интернет-аудитории.

Список литературы

1. Аргунова, Е. В., Тимофеева, М. А. Революционные события и вожди Октября 1917 года в восприятии населения // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 145–152.
2. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
3. Загидуллина, М. В. Брендинг в условиях медиатизации: социокультурные факторы // Челябинский гуманитарий. 2019. № 3 (48). С. 25–33.
4. Коротецкая, Л. В. Холокост как социальная и культурная конструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 107–117.
5. Манович, Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
6. Омельченко, Е. Л., Андреева, Ю. В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147–156.
7. Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.
8. Романовский, Н. В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13–22.
9. Романовский, Н. В. Новое в социологии – «Бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13–23.
10. Сафонова, Ю. А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27.

11. Сикевич, З. В. Динамика «образа» прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 88–97.
12. Сомов, А. В. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 12–20.
13. Штоп-Рутковска, К. Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 130–139.
14. Яковенко, А. В. Бессилие перед будущим // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 13–20.
15. Assmann, A. One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel // Memory Studies, 2018. Vol. 11. No 3. P. 287–300.
16. Da Silva Catela, L. Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites // Memory Studies. 2015. Vol. 8. No 1. P. 9–21.
17. Gustafsson, K. Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias // Memory Studies. 2019. Vol. 12. No 2. P. 184–197.
18. Hirsch, M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012.
19. Horsti, K. Communicative memory of irregular migration: The re-circulation of news images on YouTube // Memory Studies. 2017. Vol. 10. No 2. P. 112–129.
20. Hoskins, A. Digital network memory // Erll A and Rigney A (eds) Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory (p. 91–106). Berlin: De Gruyter. 2009.
21. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: University Press, 2006.
22. Lambert, A., Nansen, B., Arnold, M. Algorithmic memorial videos: Contextualising automated curation // Memory Studies. 2018. Vol. 11. No 2. P. 156–171.
23. Pohrib, C. The Romanian “Latchkey Generation” writes back: Memory genres of post-communism on Facebook. Memory Studies. 2019. Vol. 12. No 2. P. 164–183.
24. Pušnik, M. Media memorial discourses and memory struggles in Slovenia: Transforming memories of the Second World War and Yugoslavia // Memory Studies. 2019. Vol. 12. No 4. P. 433–450.
25. Stevens, H. Genetimes and lifetimes: DNA, new media, and history // Memory Studies. 2015. Vol. 8. No 4. P. 390–406.
26. Zelizer, B. Reading the past against the grain: The shape of memory studies // Critical studies in mass communication. 1995. Vol. 12. № 213. P. 215–239.

DIGITAL MEMORY IN THE SPACE OF MEMORIAL CULTURE: IMAGES OF THE PAST IN MEDIA-TECHNOLOGIES OF THE FUTURE

L. B. Zubanova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, milazubanova@gmail.com

The article discusses the key forms of representation of the past in the current media space. The concept of “digital memory” is conceptualized, tendencies characteristic of the modern discourse of Digital Memory Studies are recorded. The images of the past in the digital technologies of the future represent, according to the author, an updated stage in the existence of memorial culture. The features characteristic of the digital memory measurement are analyzed in detail:

- *reincarnation of the past in the digital environment;*
- *technologies for designing autobiographical network memory;*

- *practices of alternative online commemoration;*
- *creative models of production and active study of user memories.*

Keywords: digital memory, mediatization, memorial culture.

References

1. Argunova, E. V. and Timofeeva, M. A. (2018) *Revolyutsionnyie sobyitiya i vozhdii Oktyabrya 1917 goda v vospriyatii naseleniya* [The revolutionary events and leaders of October 1917 in the perception of the population], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 4, pp. 145–152. (In Russ.).
2. Assman, A. (2016) *Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoy* [New dissatisfaction with memorial culture]. Moscow, New Literary Review. (In Russ.).
3. Zagidullina, M. V. (2019) *Brendirovanie v usloviyah mediatizatsii: sociokul'turnye faktory* [Branding in the era of mediatization: socio-cultural factors], in: *CHelyabinskij Gumanitarij* [Chelyabinsk Humanities], no. 3 (48), pp. 25–33. (In Russ.).
4. Korotetskaya, L. V. (2016) *Holokost kak social'naya i kul'turnaya konstrukciya pamyati: faktor travmy i poziciya zhertvy* [Holocaust as a social and cultural construction of memory: trauma factor and victim position], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 3, pp. 107–117. (In Russ.).
5. Manovich, L. (2018) *Yazyk novyh media* [Language of New Media]. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russ.).
6. Omelchenko, E. L. and Andreeva, Yu. V. (2017) *Chto ostaetsya v semejnoy istorii: pamyat' o sovetskom skvoz' razgovor trekh pokolenij* [What remains in family history: the memory of the Soviet through a conversation of three generations], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 11, pp. 147–156. (In Russ.).
7. Pokida, A. N. and Zybunovskaya, N. V. (2016) *Dinamika istoricheskoy pamyati v rossiyskom obschestve (po rezul'tatam sotsiologicheskogo monitoringa)* [Dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring)], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 3, pp. 98–107. (In Russ.).
8. Romanovsky, N. V. (2015) *Budushchee kak problema sovremennoj sociologii* [The future as a problem of modern sociology], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 11, pp. 13–22. (In Russ.).
9. Romanovsky, N. V. (2011) *Novoe v sociologii – «Bum pamyati»* [New in Sociology – “The Boom of Memory”], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 6, pp. 13–23. (In Russ.).
10. Safonova, Yu. A. (2018) *Tret'ya volna memory studies: dvadcat' tri goda protiv shersti* [The third wave of memory studies: twenty-three years against wool], in: *Politicheskaya nauka* [Science of Politics], no. 3, pp. 12–27. (In Russ.).
11. Sikevich, Z. V. (2016) *Dinamika «obraza» proshlogo i nastoyaschego v predstavleniyah peterburzhtsev* [Dynamics of the “image” of the past and present in the representations of Petersburgers], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 3, pp. 88–97. (In Russ.).
12. Somov A. V. (2015) *Fenomen sovetskosti: istoriko-kulturnyy aspekt* [Phenomenon of Sovietism: Historical and Cultural Aspect], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 2, pp. 12–20. (In Russ.).
13. Shtop-Rutkowska, K. (2015) *Kiberpamyat, ili o chem myi ne pomnim v seti. Analiz lokalnoy pamyati: Belostok i Lyublin* [Cyber memory, or what we do not remember on the network. Local Memory Analysis: Bialystok and Lublin], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 4, pp. 130–139. (In Russ.).

14. Yakovenko, A. V. (2016) Bessilie pered budushchim [Powerlessness before the future], in: *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], no. 8, pp. 13–20. (In Russ.).
15. Assmann, A. (2018) One land and three narratives: Palestinian sites of memory in Israel, in: *Memory Studies*, no. 11 (3), pp. 287–300.
16. Da Silva Catela, L. (2015) Staged memories: Conflicts and tensions in Argentine public memory sites, in: *Memory Studies*, no. 8 (1), pp. 9–21.
17. Gustafsson, K. (2019) Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias, in: *Memory Studies*, no. 12 (2), pp. 184–197.
18. Hirsch, M. (2012) *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York, Columbia University Press.
19. Horsti, K. (2017) Communicative memory of irregular migration: The re-circulation of news images on YouTube, in: *Memory Studies*, no. 10 (2), pp. 112–129.
20. Hoskins, A. (2009) Digital network memory. In: Erll A and Rigney A (eds) *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory* (pp. 91–106) Berlin, De Gruyter.
21. Jenkins, H. (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York, University Press.
22. Lambert, A., Nansen, B. and Arnold, M. (2018) Algorithmic memorial videos: Contextualising automated curation, in: *Memory Studies*, no. 11 (2), pp. 156–171.
23. Pohrib, C. (2019) The Romanian “Latchkey Generation” writes back: Memory genres of post-communism on Facebook, in: *Memory Studies*, no. 12 (2), pp. 164–183.
24. Pušnik, M. (2019) Media memorial discourses and memory struggles in Slovenia: Transforming memories of the Second World War and Yugoslavia, in: *Memory Studies*, no. 12 (4), pp. 433–450.
25. Stevens, H. (2015) Genetimes and lifetimes: DNA, new media, and history, in: *Memory Studies*, no. 8 (4), pp. 390–406.
26. Zeligzer, B. (1995) Reading the past against the grain: The shape of memory studies, in: *Critical studies in mass communication*, no. 12 (213), pp. 215–239.

Зубанова Людмила Борисовна – кандидат социологических наук, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии и социологии культурологического факультета Челябинского государственного института культуры.
milazubanova@gmail.com